

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Шатин Владимир Юрьевич

**Фонетический строй костромских говоров
первой половины XVII в.**

Специальность: 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2023

Диссертация подготовлена на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель — Галинская Елена Аркадьевна,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты — Гиппиус Алексей Алексеевич,
доктор филологических наук, академик РАН,
ведущий научный сотрудник Лаборатории
лингвосомиотических исследований
факультета гуманитарных наук Школы
филологии НИУ «Высшая школа экономики»
Кузьмина Елена Александровна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
для иностранных учащихся ФГБОУ ВПО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
Калужнина Надежда Викторовна,
кандидат филологических наук, научный
сотрудник историко-филологического
факультета Образовательного частного
учреждения высшего образования
«Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет»

Защита диссертации состоится «26» апреля 2023 г. в ____ часов ____ минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: sovets@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.1/2433>

Автореферат диссертации разослан « ____ » _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

О.В. Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Севернорусские диалекты XVII в., в том числе их фонетические особенности, уже не раз становились предметом внимания ученых. На материале памятников деловой письменности были исследованы белозерско-бежецкие (И.В. Бегунц, «Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в.», М., 2006), вологодские (В.Ф. Копосов, «Вологодские говоры XVI–XVII вв. по данным местной деловой письменности: Фонетика и морфология», М., 1971), великоустюжские (М.В. Сущева, «Орфографические нормы и возможности отражения диалектных особенностей в деловой письменности первой половины XVII в. (на материале документов г. Великого Устюга)», М., 1974), галичские говоры (Л.П. Грехова, «Исследование генетически южновеликорусского образования в северновеликорусском массиве», М., 1966), говоры северо-восточной новгородской периферии (Е.А. Галинская, «Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте», М., 2002), шенкурский и холмогорский диалекты (А.А. Лопухина, «Фонетика холмогорского и шенкурского диалектов XVII в.», М., 2011), однако костромские говоры в севернорусском диалектном ландшафте до сих пор представляли собой лакуну.

Таким образом, **тема** диссертации – реконструкция фонетического строя костромских говоров первой половины XVII в.

Предметом исследования является историческая фонетика одной из групп говоров севернорусского наречия, а именно Костромской группы. **Объект изучения** – фонетические подсистемы (ударный вокализм, безударный вокализм, консонантизм) в диахронии.

Материалом исследования послужила Костромская отказная книга 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086, исследованы лл. 1–948 об. Далее – **Костр.**). Этот материал был сопоставлен с данными современных говоров, отраженными в первом (фонетическом) томе «Диалектологического атласа русского языка», а также с материалами оцифрованных архивных

диалектных записей из фонотеки ИРЯ им. В.В. Виноградова¹ и с оцифрованными записями, представленными в «Электронной библиотеке русских народных говоров» (URL: https://dialekt.corpus.tatar/dialect/index.php?oblast=10&fieldFIO=&tema=&type_gov=&type_zap=)².

Актуальность работы обусловлена необходимостью восполнения лакуны в реконструкции фонетических систем севернорусского наречия XVII в., в связи с отсутствием описания костромских говоров этого времени.

Цель диссертационной работы состоит в анализе материалов памятников деловой письменности XVII в. и сравнении выявленных фонетических особенностей с нынешней языковой ситуацией на рассматриваемой территории, что дает возможность определить динамику развития костромских говоров на протяжении последних четырех веков.

Достигается эта цель посредством выполнения ряда поставленных **задач**:

- описать ударный вокализм костромских говоров XVII в.;
- описать безударный вокализм костромских говоров XVII в.;
- описать консонантизм костромских говоров XVII в.;
- верифицировать данные деловой письменности XVII в. материалами диалектологии и лингвогеографии;
- объяснить генезис ряда диалектных фонетических особенностей костромских говоров XVII в.

Методология исследования включает несколько пунктов:

¹ А-0260 (Кадынский р-н Костромской обл., д. Латыниха); А-0265, А-0266 (Островский р-н Костромской обл., д. Дарьино); А-0332 (Макарьевский р-н Костромской обл., д. Большое Тимошино); А-0333 (Макарьевский р-н Костромской обл., д. Торихино); А-0334 (Макарьевский р-н Костромской обл., д. Андреевское); А-0336 (Макарьевский р-н Костромской обл., д. Опалихино); А-0351 (Судайский р-н Костромской обл., д. Шартаново).

² ЭБРНГ-001, ЭБРНГ-089, ЭБРНГ-090, ЭБРНГ-091, ЭБРНГ-092 (Костромской р-н Костромской обл., д. Шунга); ЭБРНГ-054, ЭБРНГ-080, ЭБРНГ-084, ЭБРНГ-287, ЭБРНГ-369, ЭБРНГ-434 (Костромской р-н Костромской обл., с. Аферово); ЭБРНГ-374, ЭБРНГ-392 (Костромской р-н Костромской обл., с. Саметь).

Во-первых, с помощью аналитического и синтетического методов производится классификация и обработка примеров, обнаруженных в памятниках деловой письменности, а также примеров из диалектных записей.

Во-вторых, посредством применения описательного метода дается обзор фонетической системы современных говоров на рассматриваемой территории.

В-третьих, сравнительный метод применяется при сопоставлении результатов анализа написаний, представленных в памятниках деловой письменности XVII в., с особенностями современных говоров на рассматриваемой территории, отраженными на картах ДАРЯ и зафиксированными в записях диалектной речи.

Научная новизна работы определяется тем, что костромские памятники деловой письменности XVII в. ранее с целью изучения отраженной в них диалектной фонетической системы не рассматривались никем, а современные диалектные записи, использованные для верификации материалов отказной книги, к подобному сопоставлению привлекаются также впервые.

Работа имеет **теоретическую значимость** для исторической фонетики русского языка и для исторической диалектологии, так как освещает не изученный ранее вопрос развития фонетической системы костромских говоров от XVII в. и до настоящего времени и восполняет диахронную лингвогеографическую картину севернорусского наречия.

Практическая значимость работы состоит в том, что рассматриваемый в ней материал может быть использован в университетских курсах русской диалектологии и исторической грамматики русского языка, а также в учебных пособиях по названным выше предметам.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ударный вокализм исследованных костромских говоров XVII в. характеризовался отсутствием фонем <ě> и <ô>, последовательным

переходом [e] в [o] во всех позициях, а также непоследовательным и нерегулярным изменением [a] в [e] между мягкими согласными.

2. В безударных слогах в костромских говорах XVII в. в позиции после твердых согласных было представлено полное оканье. После мягких согласных перед следующим твердым удерживалось различие гласных неверхнего подъема, а в позиции перед следующим мягким согласным (в особенности в конечном закрытом слоге) складывалась тенденция к совпадению гласных неверхнего подъема в звуке [e].

3. Консонантизм костромских говоров XVII в. характеризовался сформированной корреляцией губных фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'>, взрывным [г], отсутствием прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных, сохранением мягких шипящих [ш'], [ж'] и аффрикаты [ц'] при уже начавшемся процессе их отвердения, долгими твердыми шипящими, мягким [ч'], оглушением парных звонких согласных перед согласными и в позиции конца слова, а также различными ассимиляциями и упрощениями групп согласных, например, свойственным и современным говорам на данной территории изменением начального [вн] → [мн].

4. Рассматриваемые костромские говоры на протяжении своей истории демонстрировали ряд особенностей, сближающих их с говорами центра (ростово-суздальскими). Близость эта имела место уже в период, предшествовавший отраженному в **Костр.** (когда была сформирована корреляция фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'>).

5. Черты, свойственные потоку новгородской колонизации (высоко сонорные билабиальные реализации <в>, цоканье, переход <ё> в [и] во всех позициях), проникавшие на рассматриваемую территорию с севера, локализовались на периферии и в основной массив костромских говоров не проникали.

Достоверность результатов исследования подтверждается большим объемом изученного материала, а также надежными методами исследования,

которые соответствуют поставленным в работе целям и задачам. Научные положения и выводы в диссертации подкреплены фактическими данными.

Личный вклад автора состоит в сборе, обработке и анализе материала.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в **четырёх** публикациях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России («Вестник Московского университета. Серия 9. Филология», «Русский язык в научном освещении»), а также в **семи** докладах и тезисах конференций: XXII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2015», Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2018», «Славянский мир: общность и многообразие 2018», Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019», «Славянский мир: общность и многообразие 2019», «Славянский мир: общность и многообразие 2020», Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2020».

Структура диссертации: работа состоит из введения, трех глав, и заключения. В главе 1 на основании материалов памятников деловой письменности рассматривается система ударного вокализма в костромских говорах XVII в., а затем проводится ее сравнение с системой ударного вокализма в современных говорах, распространенных на данной территории. В главе 2 представлено описание системы безударного вокализма костромских говоров XVII в. в сравнении с современной системой. В главе 3 рассмотрена система консонантизма костромских говоров XVII в., сопоставленная с системой современных говоров. В заключении обобщены результаты исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** изложено обоснование выбора темы, её актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются объект, цели и задачи исследования, его методологическая основа, дается характеристика материала.

В **Главе 1** рассматривается ряд особенностей **ударного вокализма** костромских говоров XVII в., отраженных в **Костр.**

Фонемы <ё> в них уже не было.

В позиции перед твердыми согласными было представлено *e*-образное звучание, которое писцы передавали буквой *e* (*бегае^т* 796, 797; *де^вками* 34 об., 475 об., 806; *ле^с* 83, 909 об.; *лесо^м* 44, 843 об. et pass.; *места* gen. sg. 83, 217 об., 898 и др.). Число замен на **и** незначительно, все они обнаруживаются во флексиях местоимений (*всихъ* 264; *си^м* dat. pl. 90, 422, 763, 928; *симъ* instr. sg. 818 об.; *симъ* dat. pl. 115, 376 об., 639 и др. – в трех последних примерах, разумеется, возможно и сохранение старой флексии мягкого варианта), обратных замен **и** на **ѣ** в этой позиции нет.

Перед мягкими согласными примеров этимологически верного употребления буквы **ѣ** приблизительно в полтора раза больше, чем перед твердыми, однако здесь уже обнаруживается значительное число замен **ѣ** на **и** (*дите^м* dat. pl. 20 об., 21, 88 об.; *дитя^м* 85; *мире* dat. sg. 34 об.; *миря^л* 32, 34 об.; *от^диле* loc. sg. 35, 85, 460 об.; *от^дил^ные* 86, 590; *ро^здил^ны^м* 870; *ри^чке* loc. sg. 493, 650; *умие^т* 744 об. и др.). Встречаются тут и единичные обратные замены **и** на **ѣ** (*сек^тьрина* gen. sg. 75; *сек^тьрине* loc. sg. 74, 74 об.).

Можно, таким образом, предполагать реализацию фонемы <ё> в костромских говорах XVII в. посредством [e] перед твердыми согласными и посредством [и] и [йе] перед мягкими согласными. Имеются подобные реализации и в современных костромских говорах.

Фонемы <ô> в говорах, отраженных в **Костр.**, уже не было, так как немногочисленные примеры мены в паре букв **у** и **о** под ударением могут

быть объяснены и графической ассимиляцией. Отсутствует данная фонема и в современных говорах на рассматриваемой территории.

Переход [е] в [о] в костромских говорах к XVII в. уже осуществился последовательно: фонетический в корнях (*ноперо*³ 417 об.; *ноперо*^к 107; *но^трь* 450 об. и др.) и аффиксах (*ковалова* gen. sg. 116 об., 117; *но^м* loc. sg. 642 об. и др.), аналогический (с использованием вариантов соответствующих морфем, присоединяющихся к основам на твердый согласный) перед мягкими согласными (*большо^и* nom. sg. 160 об.; *большое* nom. sg. 947 об.; *мешою* 740 об. Также в фамилиях по аналогии с формами именительного и других падежей, где звук [е] находился в позиции перед твердым согласным: *кавалове* loc. sg. 117 об.; *ястре^нцове* loc. sg. 620, 621 и др.) и в конце слова (*селцо* 202, 384, 642 и др.), что отражено и на диалектных картах, фиксирующих состояние современных костромских говоров.

Изменение [а] в [е] между мягкими согласными в Костр. представлено лишь малочисленными спорными примерами. Среди них имеются и непосредственные замены **а** на **е** (*мишенино* 642; *кне^з о^ндревьича* gen. sg. 856 об.; *ф не^т чет^и^и*⁴ 154 и др.), и замены **е** на **а**, позволяющие предполагать гиперкоррекцию (*клемя^нтие^в* 624 об.; *клемянтье^в* 948).

Данное явление вряд ли было характерно для костромских говоров в первой половине XVII в. Примеры *кне^з о^ндревьича* и *ф не^т чет^и^и* не являются чистыми, гиперкорректные примеры *клемя^нтие^в* и *клемянтье^в* относятся к сфере ономастики, единственного примера *мишенино* для уверенного утверждения о наличии рассматриваемого явления в костромских говорах XVII в. недостаточно. Отметим, что на диалектных картах основной

³ В этом и следующих примерах переход [е] в [о] после парных по твердости-мягкости согласных отражается в ущерб передаче мягкости.

⁴ Можно предположить, хоть доказать этого и нельзя, что каждое из двух последних словосочетаний представляло собой одно фонетическое слово с одним ударением на втором слове, тогда как первое проклитизировалось.

его ареал расположен севернее, в центральном массиве современных костромских говоров оно последовательно не представлено.

Таким образом, костромские говоры XVII в. характеризовались пятифонемным вокализмом с реализацией старой фонемы <ě> в [e] перед твердыми согласными и в [и] и [йе] перед мягкими, последовательным переходом [e] в [o], а также крайне непоследовательным изменением [a] в [e] между мягкими согласными.

Глава 2 посвящена рассмотрению особенностей **безударного вокализма** костромских говоров XVII в.

После твердых согласных костромские говоры XVII в. демонстрировали полное оканье во всех позициях.

В первом предударном слоге на месте этимологического *o регулярно употребляется буква о. Особенно показательны здесь написания слов, которые в современном литературном языке под влиянием акающего произношения стали регулярно употребляться в акающем орфографическом облике: *борана* gen. sg. 118; *кропи^вка* 136; *кропи^вница* loc. sg. 30 и др.

Подобная картина наблюдается и **во втором предударном, неконечном заударном, конечном открытом заударном и конечном закрытом заударном слогах** после твердых согласных. Единичные примеры, позволяющие предполагать нейтрализацию гласных неверхнего подъема в этих позициях, могут быть объяснены графической ассимиляцией или явлениями диалектной морфологии.

Современные говоры на рассматриваемой территории можно разделить на две подгруппы: в северных представлено полное оканье (*суп картоф'ел'ној* А-0334; *ис картошок* А-0334; *он б'эдној был // ја дв'енáцат' полот'эн'ец дар'íла* А-0265 и др.), в южных – оканье неполное: фонемы <o> и <a> за пределами первого предударного слога нейтрализуются в звуке [ъ] (*д'эдъм* ЭБРНГ-369; *пóсьх* ЭБРНГ-369; *х'их'úkът'* ЭБРНГ-369 и др.). Неполное оканье, видимо, развилось позднее, чем в первой половине XVII в.

Типы безударного вокализма **после мягких согласных** в окающих говорах достаточно разнообразны, но общим для всех них является различие реализаций гласных фонем <e>, <o>, <ё> и <a>, степень которого неодинакова. Во многих из них наблюдается соответствие между явлениями в ударном слоге и вокализмом первого предударного слога после мягких согласных.

Из особенностей ударного вокализма, способных отразиться также и в безударном, развивающемся в говорах северного наречия параллельно с вокализмом ударного слога, в исследуемом костромском говоре XVII в. представлен лишь нерегулярный переход старого <ё> в [и] перед мягкими согласными и последовательный переход [e] в [o] (как фонетический, так и аналогический).

Утрата фонемы <ё> в безударной позиции началась в русских говорах достаточно рано и проходила интенсивно, а потому вряд ли можно предполагать ее сохранение в костромских говорах XVII в. в позиции не под ударением, тем более что в ударных слогах фонемы <ё> в них к этому времени уже не было.

Имеются как прямые замены **ѣ** на **е** (*грамоте* dat. sg. 20, 47; *се^нны^х* 30, 844 и др.), так и обратные замены **е** на **ѣ** (*дѣсяти^н* 29, 154; *живущей* асс. sg. 155; *се^ргее^в* 849 об. и др.), подтверждающие это предположение. Число и первых, и вторых в **Костр.** велико.

Наличие замен обоих типов явно свидетельствует о совпадении в безударном положении реализаций старой фонемы <ё> с реализациями фонемы <e>, а потому в дальнейшем буквы **ѣ** и **е** рассматриваются как омофоничные (синонимичные).

Безударный вокализм костромских говоров XVII в. после мягких согласных, а также после шипящих и [ц] характеризовался следующими двумя основными особенностями.

В позиции **перед твердыми согласными** лучше удерживалось различие гласных неверхнего подъема, в позиции **перед мягкими**

согласными (в особенности – в конечном закрытом слоге) складывалась тенденция к совпадению гласных неверхнего подъема в звуке [e].

Позднее эта тенденция могла переноситься и на позиции перед твердым согласным, а также в иных безударных слогах.

Имелись на рассматриваемой территории в XVII в. и **окказиональные реализации фонемы <e> как [’a]** (наиболее последовательно представлены в конечных открытых слогах: *дияконица* ном. sg. 798; *поместья* асс. sg. 847; *четыря* 40, 702, 874 и др. То же в современных диалектных записях: *гл’йн’аныја* А-0334; *двојуродныја* ЭБРНГ-392; *з’ел’оныја кругом* А-0265 и др.) и **фонемы <a> как [e]** (скорее всего, лишь в первом предударном слоге: *свеще^нник* 726 об., 909 об.; *трицети* 682 об.; *тъки^м*.158 об. и др. То же в современных диалектных записях: *на п’ет’орку* ЭБРНГ-054; *нъпр’ед’ош* А-0336; *нъпр’ед’от* А-0336 и др.).

В **Главе 3** реконструированы особенности **консонантизма** костромских говоров XVII в.

К этому времени уже сложилась **корреляция фонем <в> — <ф> и <в’> — <ф’>**, о чем свидетельствуют примеры, отражающие оглушение реализаций фонемы <в> в позиции конца слова (*семеноф* 280; *третьякоф* 489 об. и др.) и перед глухим согласным (*витуфтову* dat. sg. 682 об.; *фторов* 481, 927; *ф поле* 28 об., 29 об.; *ф пятьдесят* 30 об. и др.), а также этимологически правильное употребление **ф** в заимствованных именах (*афонасе^в* 929; *дорофеев* 261; *федорову* асс. sg. 21 и др.).

Имеются в **Костр.** и замены в паре **ф – хв / х**, а также написания, позволяющие предполагать окказиональные высоко сонорные реализации фонемы <в> (*в⁵садица* gen. sg. 116; *семе^н мѣсто прихожа^н* «Семен вместо прихожан» 201 и др.), однако они немногочисленны.

⁵ Исправлено на у.

Ряд обнаруженных примеров отражает типичное для современных костромских говоров изменение начального [вн] → [мн]: *мну^к* 832; *са мнукими* 789; *со мнука^{ми}* 790 об.; *со мнуко^м* 789 об.; *со мнучаты* 829.

Подобная неоднородность подсистемы губных (сформированная корреляция по глухости-звонкости при окказиональной высокой сонорности реализаций фонемы <в>) свойственна и современным костромским говорам, о чем свидетельствуют материалы диалектных записей:

[в] в слабой позиции: *в кьстром'э* ЭБРНГ-374; *св'екр'ов* А-0334; *т'эт'ьр'ьв* ЭБРНГ-001 и др.

[ў] в слабой позиции: *кот'оў* ЭБРНГ-084, ЭБРНГ-369; *ор'ехоў там* ЭБРНГ-392; *п'ат' год'оў* А-0333; *соўх'ос* ЭБРНГ-001, ЭБРНГ-084 и др.

[ф] в слабой позиции: *жыф* ЭБРНГ-084; *кот'оф* ЭБРНГ-054, ЭБРНГ-080; *ф'с'ех* ЭБРНГ-084; *ф'ц'эр'к'ьф* ЭБРНГ-392.

Убедительного и последовательного отражения **предлога ув** в **Костр.** обнаружить не удалось. В современных костромских говорах данная особенность представлена лишь на северной периферии.

Протетическое и эпентетическое [в] в **Костр.** отражены во множестве примеров.

Эпентеза в именах собственных: *клевопи^н* 782; *лариво^н* 415, 706, 876 об. et pass.; *лево^нтиев* 598 об.; *лево^нтьев* 885 об.; *навумов* 867; *тиву^нцово* 944 и др.

Примеры, отражающие протезу: *в вопче* 587, 588; *в во^нче* 651, 651 об.; *в вотчине* loc. sg. 670 об. и др.

Оба этих явления присутствовали в костромских говорах XVII в. лексикализовано, однако впоследствии круг слов, отражающих их, сузился.

Звонкий заднеязычный согласный был взрывным, однако в исследованной отказной книге обнаруживается небольшое число примеров, которые могли бы отражать фрикативный звук, что следует считать либо

элементом церковной орфоэпии, либо окказиональным явлением в потоке речи (есть такие примеры и в диалектных записях).

В говоре, отраженном в **Костр.**, **прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных** согласных отсутствовало. По всей видимости, активно оно стало развиваться позднее.

В современных говорах примеры прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных встретились лишь в одной диалектной записи из деревни Большое Тимошино Макарьевского района (А-0332, в позиции после парных по твердости-мягкости согласных и после [ч']): *во фс'áку да пóру вр'ém'еч'к'о; загород'ú ко да пút' дорóжен'к'ю; скóл'к'е јес'т' дарóф; у м'ен'á скóл'к'е д'ет'éј; ја н'е в'ёрнаја служáноч'к'а.*

В говорах, отраженных в **Костр.**, сохранялась **реликтивно мягкие [ш'] и [ж']**, на что указывают следующие примеры.

Встретилось лишь одно написание, свидетельствующее о твердом [ж]: *приложы^л* 213.

Написания, указывающие на мягкий звук [ж']: *жжюребем^б* instr. sg. 598; *жюков^в* 138; *жюкъ* 144 об.; *жюлебина* gen. sg. 308 об.; *жябина* gen. sg. 305 об., 306.

Написания, отражающие твердый [ш]: *кашыны^х* gen. pl. 75 об.; *патрея^ршы* gen. sg. 121 х2; *пустошы* gen. sg. 344.

Написания, свидетельствующие о наличии мягкого [ш'], многие из которых особенно показательны, так как записывались определенно со слуха: *мишю^тнино* 641 об.; *ошняина* gen. sg. 305 об.; *пустошя^х* 266, 454; *шювалова* gen. sg. 723; *шю^лгино* 148 об.; *шюми^л//ко* 135 об.–136; *шюраина* gen. sg. 282 об., 283 об.; *шюхомаскои* loc. sg. 107 об.; *шюхомъшьскои* loc. sg. 151 об.;

^б В данном случае нужно предполагать лабиализацию и повышение подъема безударного гласного, что, однако, не мешает усматривать здесь отражение мягкости предшествующего звонкого шипящего.

шяⁿковке loc. sg. 165; *шяче⁷* dat. sg. 452 об.; *шяче* loc. sg. 453 об., 454 об.; *шячи* gen. sg. 455; *шячь* loc. sg. 265 об.; *шябиново⁸* 265 об.

В диалектных записях стандартны твердые краткие шипящие (глухой и звонкий), но в южных говорах рассматриваемого ареала (Костромской район) обнаруживаются также и редкие мягкие шипящие (в одном случае – со свистящим призвуком): *кун'иш'с'* ЭБРНГ-392; *пан'иш'ь* ном. sg. ЭБРНГ-001.

В костромских говорах XVII в. были представлены **долгие твердые шипящие**.

Встретилось крайне малое число замен буквы **щ** на двухбуквенные сочетания, которые можно трактовать как отражение сложного глухого шипящего.

Замены **щ** на **шч**: *рошчи* gen. sg. 291 об.

Замены **щ** на **щч**: *рошчи* ном. pl. 292 об.

Число свидетельств долготы глухого шипящего, таких как, например, замены **щ** на **шш** (*помешшиковы* gen. sg. 755 об.) и **щ** на **шщ**: (*колодишше* ном. sg. 423) несоизмеримо больше.

Написаний, отражающих мягкость глухого шипящего, обнаружено не было.

Написания, свидетельствующие о твердости рассматриваемого согласного: *нищы^x* gen. pl. 135; *помгщыко⁶* ном. sg. 323 об.; *прика³щы^k* 267, 267 об., 321; *прика³щыки* instr. pl. 325; *рощы* gen. sg. 322, 324.

Достаточного числа примеров, которые могли бы указывать на долгое или сложное произношение звонкого шипящего согласного в говорах, отраженных в **Костр.**, обнаружено не было. Однако о том, что он все-таки скорее был не сложным, а долгим, можно судить по следующим немногочисленным написаниям с **ж** вместо традиционного **зж**: *доежа^l* 73;

⁷ Гидроним, ср. *шаче* loc. sg. 41 об.

⁸ Топоним, название пустоши.

догъжа^л 710 об.; *недогъжая* 639; *порожи*^х gen. pl. 708 об.; *приежа*^л 431, 432; *пригъжа*^л 596, 655.

Примеров, которые могли бы свидетельствовать о сложной артикуляции, а также о твердости или мягкости долгого звонкого шипящего согласного, не обнаружались.

В том, что звонкий коррелят был именно долгим, сомнений быть не может, поскольку примеров, отражающих сложную реализацию, обнаружить не удалось. Это хорошо согласуется с общей закономерностью развития рассматриваемых звуков: глухой долгий шипящий не опережает в своем развитии звонкий.

На основании данных исследованных текстов и современных говоров можно заключить, что рассматриваемые глухой и звонкий шипящие согласные в костромских говорах XVII в. были определенно долгими, хотя некоторое число сложных реализаций глухого согласного в них присутствовать все же могло.

В исследованной рукописи имеются лишь примеры, указывающие на твердость долгого глухого шипящего согласного. Учитывая мену букв **ш** и **щ** и предположение о реликтовой мягкости <ш>, можно предположить, что долгий глухой шипящий согласный мог быть остаточным мягким.

Картина, наблюдаемая в современных говорах, свидетельствует о том, что существенных изменений это звено фонетической системы костромских говоров не претерпело: уменьшилась доля мягких долгих реализаций, окказиональные реализации, представленные в **Костр.**, продолжают существовать на рассматриваемой территории.

То же самое можно сказать и о долгом звонком шипящем согласном, который, отражаясь в исследованной рукописи посредством буквы **ж**, мог быть в костромских говорах XVII в. мягким хотя бы реликтивно. В исследованной рукописи отсутствуют какие-либо указания на его твердость, а потому дальнейшее его отверждение и засвидетельствованное в современных костромских говорах опережение им на этом пути глухого коррелята

произошло позднее и является, скорее всего, следствием общей закономерности развития этих двух согласных.

При наличии твердого [ц] в костромских говорах XVII в. были представлены и реликтовые случаи произношения мягкого [ц'], о чем свидетельствуют обнаруженные в **Костр.** написания с сочетанием **ця**: *два^тця^т* 475 об.; *два^ця^т* 947, 947 об., 948; *осмна^ця^т* 948 об.; *пятна^ця^т* 947 об. и др.

В диалектных записях встретились как примеры с твердым [ц] (их большинство: *пиан'ицы* А-0333; *с'ел'цо* ЭБРНГ-392; *цен* gen. pl. ЭБРНГ-001 и др.), так и примеры с мягким [ц'] (редкие: *колóд'ец'* ЭБРНГ-392; *к в'ен'ц'у* ЭБРНГ-374; *ов'ец' д'ержал'и* А-0260; *от'ец'* ЭБРНГ-374 и др.), что свидетельствует о сохранении ситуации, восстанавливаемой для XVII в., и в современных костромских говорах.

Цоканье на рассматриваемой территории было и остается явлением периферийным.

Звук [ч'] в говорах, отраженных в **Костр.**, был мягким. Написаний, свидетельствующих о его отвердении или отражающих цоканье, обнаружено не было.

В диалектных записях встретились следующие примеры:

[ч'] представлен на севере (говоры с полным оканьем) и на юге (говоры с неполным оканьем): *и ср'еч'ацца с нам баран* А-0260; *н'ич'евó* А-0333; *ч'ех* ЭБРНГ-001; *ч'уш* ЭБРНГ-001 и др.

[ч] представлен исключительно на юге: *пл'еч* ЭБРНГ-092; *час* ЭБРНГ-084; *чех* ЭБРНГ-090; *чъчав'ица* ЭБРНГ-369; *чыс'т'и* ЭБРНГ-369 и др.

Мягкое цоканье встречается исключительно в северном ареале: *вóзл'е лáвоц'к'и* А-0332; *два пúда пшен'иц'и* А-0333; *полот'эн'ец'* А-0332; *тут в'енц'ал'и* А-0333 и др.

Непозиционная мена твердых и мягких согласных в костромских говорах XVII в. присутствовала. Достаточно многочисленны в **Костр.**

написания, отражающие отверждение губных, хотя ими примеры подобной непозиционной мены не исчерпываются.

[в'] → [в]: *вадени⁹хта* gen. sg. 431 об.; *деваносту* 37 об.; *дева^тко* 805 об.

[п'] → [п]: *па^т* «пять» 805 х2, 806; *патина^тцати^и* 456 об.; *патницко^и* «Пятницкий» 470; *пя¹⁰тна^тцет^т* 813 об. и др.

[м'] → [м]: *замыца* асс. pl. 98.

В современных костромских говорах непозиционная мена твердых и мягких согласных встречается редко и лишь на их периферии, что свидетельствует о ее нивелировке.

Обнаруживается в **Костр.** также и достаточное число написаний, отражающих **непозиционную мену глухих и звонких согласных**, например, в позиции перед гласным в начале слова:

[б] – [п]: *п¹¹ез* «без» 412; *полота* gen. sg., «болота» 347 об.; *пардакова¹²* gen. sg., «Бардакова» 323.

[д] – [т]: *те^хтярка¹³* «Дегтярка» 704 об.; *т¹⁴ол* gen. sg., «доли» 338.

[з] – [с]: *солотухины^м* «Золотухиным» 44 об.; *з и¹⁵хь дачею* 454 об.

[г] – [к]: *г¹⁶овезины^м* 60 об.; *коРкино а горки тоЖ¹⁷* 698, 704 об.; *коРкино а горкино тоЖ* 915.

⁹ Имя *Венедикт*.

¹⁰ Исправлено из **а**.

¹¹ Исправлено из **б**.

¹² Топоним, название пустоши.

¹³ Ср. *де^хтярка* 698, 915 об.

¹⁴ Исправлено на **д**.

¹⁵ Здесь можно предполагать протетический [j], однако, как известно, формы данного местоимения с подобной протезой являются особенностью западной диалектной зоны.

¹⁶ Исправлено на **к**.

¹⁷ Здесь и в следующем примере писец, употребляя подобную конструкцию, воспринимает два названия как разные, но показательна сама мена [к] и [г].

В диалектных записях ни одного примера непозиционной мены глухих и звонких согласных обнаружить не удалось, что указывает на нивелировку данной особенности.

В **Костр.** встретились следующие написания, позволяющие судить о поведении твердых согласных фонем в позиции сандхи перед <и>. Замены буквы и на ы в рассматриваемой позиции распределены в зависимости от места образования согласных.

После губных: в *ывановское* 90 об., 127, 714 об.; в *ываново* 354, 487; в *ываново^и* 431 об. и др.

После зубных: из *ывановско^о* 216 об.; из *ыванова* 694, 705 об., 916; *сыска^л* 782 об., 786 об., 937 и др.

После заднеязычных: *при//ка^зщик ыва^н* 867–867 об.

В говоре, отраженном **Костр.**, в позиции сандхи перед [и] в своем основном виде определенно были представлены губные и зубные согласные. Нельзя, однако, с уверенностью сделать подобного вывода и о заднеязычных, отсутствие смягчения для которых могло не найти отражения в исследованных текстах потому, что в письменности были мало распространены сочетания **кы**, **гы** и **хы**, после того как [кы], [гы] и [хы] изменились в [к'и], [г'и] и [х'и].

В современных говорах, как можно судить по материалам диалектных записей, система, отраженная в **Костр.**, сохраняется. Имеются и примеры, подтверждающие, что заднеязычные в рассматриваемой позиции выступали в смягченном виде: *вот тák'и жыл'и* А-0334.

В **Костр.** обнаруживается достаточное число прямых отражений позиционного оглушения согласных в середине фонетического слова.

[б] → [п]: *во^нче* 651, 651 об.; *во^нчеи* nom. sg. 131; *ру^нцовымь* instr. sg. 402, 405; *ястре^нцово* nom. sg. 620 и др.

[в] → [ф]: *витуфтову* dat. sg. 682 об.; *ефтихиие^в* 143 об.; *фторо^в* 481, 927; *фтороваско^о* gen. sg. 837 и др.

[д] → [т]: *два^тца^т* 21, 919 об. et pass.; *два^тца^ти* 884 об.; *два^тцать* 736 об.; *три^тца^ти* dat. sg. 700 об., 819; *фет^тка* nom. sg. 71 об., 476 et pass. и др.

О том, что подобное оглушение свойственно и современным говорам на рассматриваемой территории, можно судить по материалам диалектных записей: *р'ад'им б'ес'этку* А-0334; *тр'и зынк'и был'и* А-0334 и др.

В **Костр.** было обнаружено также достаточное число написаний, свидетельствующих о **позиционном оглушении согласных в конце фонетического слова**, редко отражающемся в памятниках письменности: *карпоф* 354 об.; *медвет.* 902 об.; *окла^т* 179; *попере^к*¹⁸ 26, 30, 708 об.; *семеноф* 280; *трет^тякоф* 489 об. и др.

Имеются примеры позиционного оглушения согласных в этой позиции и в диалектных записях: *вос* ЭРБНГ-369; *в'ос* ЭРБНГ-369; *д'ет* ЭРБНГ-369; *дуп* ЭРБНГ-369; *ж'ал'и рош* А-0333; *л'эб'ет'* ЭРБНГ-369; *подр'ат* А-0334 и др.

Обе этих особенности являются древней чертой костромских говоров.

В исследованной рукописи были обнаружены написания, отражающие различные **ассимиляции, диссимиляции и упрощения групп согласных**, свойственные костромским говорам XVII в. и сохраняющиеся в них по сей день. Ниже приводятся только примеры диссимиляции, так как примеры ассимиляций и упрощения согласных достаточно стандартны.

Фонема <к> реализовалась посредством звука [х] перед [к], [п] и [т] и посредством [ү] перед [д] и [г]. Подобная модель сохраняется и в современных костромских говорах.

[кк] → [хк]: *х кинеше^нмскому* 884 об.; *х костро^мскому* 30 об., 133, 403, 1199 et pass.; *х ко^стро^мскому* 432 об., 592, 866 и др.

¹⁸ Ср. следующие этимологически верные написания: *попере^с* 584 et pass.; *попере^г* 598, 667 об.; *попоре^с* «поперек» 948.

[кп] → [хп]: *х половине* 1109 об.; *х пре^жнеи* dat. sg. 859; *х пятидесяти* 447 и др.

[кт] → [хт]: *вадени^хта* gen. sg. 431 об.; *ви^хторов* nom. sg. 16 об.; *галахтио^нко^м* instr. sg. 840; *х тому* 292; *х тре^м* 763 об., 928 об., 929 об. и др.

[гг] → [үг]: *х галиц^ко^{му}* 1067 об.

[гд] → [үд]: *х двѣмасто^м* 37 об.; *х двѣсти* 763 об.; *х девяносту* 763 об.

В XVII в. на рассматриваемой территории имелась также и не обусловленная фонетическим контекстом реализация предлога *к* в звуке [х] перед фрикативным [с]: *х старому* 928 об.

В костромских говорах XVII в. предлог *к* в позиции перед глухими и звонкими смычными согласными мог быть представлен губно-зубными звуками. В **Костр.** написания, отражающие данное явление, обнаруживаются для позиций перед [к], [т] (возможно, также перед [п]) и звонким [г].

Прямые отражения данного явления в **Костр.**

[кк] → [фк]: *к волого^тцкому да в костромскому* 884 об.; *к старому е^с в костро^мскому* 81; *к старому его в костро^мскому* 451; *потулову в костро^мскому ево* 400 об.

[кт] → [фт]: *а в тому за^имицу* 1187 об.; *да в тому же се^лцу чернышеву* 1187 об., 1188.

[гг] → [вг]: *къ старому е^с поме^сю в гали^цкому* 1047 об.

Имеются в **Костр.** также и условно обратные замены, отражающие данное явление в позиции перед [п], отсутствующей среди прямых замен. Здесь на месте ожидаемого предлога *в* обнаруживается буква *х*: *припущене^нна х поле* 804; *три^тца^т деветь че^твертеи х поле* 805.

Интересным представляется следующий пример в позиции перед [j]: *отделиль корцову въ его помѣстью къ двацати* 921 об. Объяснить его

следует либо распространением явления на позицию, не обусловленную фонетическим контекстом, либо развивающимся смещением предлогов.

Эта нестандартная диссимиляция до сих пор представлена в костромских говорах, однако территория ее распространения и набор позиций изменились.

В **Заключении** подводятся итоги, и обобщаются выводы, сделанные на основании проанализированного материала.

Костромские говоры в своем развитии претерпели следующие изменения:

1. На месте старой фонемы <ё> в позиции перед мягкими согласными теперь преобладает, везде сосуществуя с [и], звук [е], тогда как реализация [йе] исчезла. В позиции перед твердыми согласными, кроме реализации [е], появились окказиональные и периферийные реализации в [и].

2. Полное оканье сохраняется, однако в районе Чухломы находится обширный акающий остров с генетически южными говорами переселенцев, а ближе к Костроме растет число примеров, где на месте <a> во втором предударном слоге представлен [ъ] либо [ы], что свидетельствует о переходе от полного оканья к неполному (владимирско-поволжскому) и отражено также и в части диалектных записей.

3. В безударных слогах после мягких согласных совпадение гласных неверхнего подъема в звуке [е] (независимо от твердости либо мягкости следующего согласного) стало гораздо более регулярным: оно осуществляется не только перед мягкими, но и перед твердыми согласными.

4. Протетический и эпентетический [в] вне лексем *восемь* и *вотчина* представлены лишь крайне небольшими ареалами, преобладает отсутствие данного явления, что свидетельствует о сужении его ареала.

5. Широко распространилось прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных (не только после парных по твердости–мягкости согласных и [ч’], но даже и после [j]).

6. Реликтивно мягкие шипящие [ш'] и [ж'] в современных костромских говорах практически отсутствуют, а немногочисленные имеющиеся примеры обусловлены зависимостью от следующего согласного и/или гласного переднего ряда. Подобной закономерности в материале из **Костр.** не наблюдается.

7. Утратилась, по всей видимости, непозиционная мена твердых/мягких и глухих/звонких согласных.

Остальные особенности рассматриваемых говоров каких-либо изменений не претерпели:

1. Переход [е] в [о] осуществлялся и осуществляется последовательно во всех позициях.

2. Изменение [а] в [е] между мягкими согласными было и остается крайне непоследовательным и нерегулярным.

3. В костромских говорах еще до начала XVII в. сформировалась корреляция фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'>, однако в исследованных документах и в современных говорах обнаруживается ряд следов реализации <в> посредством звонкого лабиовелярного аппроксиманта [w]. Предлог *ув*, ныне в костромских говорах отсутствующий, если и был в первой половине XVII в. представлен в них, то чрезвычайно непоследовательно. В современных говорах высоко сонорные реализации фонемы <в> опциональны и периферийны, однако все еще достаточно распространены.

4. Типичное для современных костромских говоров изменение начального [вн] → [мн], устойчивое в их центральном массиве, обнаруживается уже в первой половине XVII в.

5. Взрывной [г] последовательно характеризовал и характеризует сейчас костромские говоры.

6. Долгие твердые шипящие, широко распространенные в современных костромских говорах, возникли в них уже к началу XVII в.

7. Сохраняются реликтовые случаи произношения мягкого [ц'] при твердом [ц].

8. На рассматриваемой территории преобладал и преобладает мягкий звук [ч’].

9. В позиции сандхи перед <и> в первой половине XVII в. (как и в XX в.) заднеязычные согласные, по всей видимости, могли и могут выступать в смягченном виде, губные представлены своим основным видом (без смягчения), зубные же могут смягчаться, а могут и крайне непоследовательно сохранять основной вид.

10. Позиционное оглушение согласных перед согласными — давняя неизменная особенность костромских говоров.

11. Оглушение в позиции конца слова в первой половине XVII в. уже имело место, в XX в. сохранение звонкости в данной позиции в рассматриваемых говорах представлено лишь окказионально.

12. В XX в. в костромских говорах в различных комбинациях сосуществуют реализации <к> в звуках [х] и [χ] перед различными глухими и звонкими смычными. Имеются ареалы, где представлена модель, близкая к отраженной в исследованных текстах XVII в. ([х] перед [к], [п] и [т]; [χ] перед [д]. Отсутствует лишь [χ] перед [г]). Реализация предлога *к* посредством [х] в позиции перед фрикативным [с], т. е. фонетическим контекстом не обусловленная, на рассматриваемой территории не сохраняется. Предлог *к* перед глухими и звонкими смычными до сих пор может в костромских говорах диссимилироваться в губно-зубные звуки, однако территория распространения этой особенности и набор позиций изменились.

Можно заключить, что ряд особенностей костромских говоров сближал их с ростово-суздальскими уже в период формирования корреляции фонем <в> – <ф> и <в’> – <ф’>, отраженной в **Костр.**

Новгородские особенности (сонорные билабиальные реализации фонемы <в>, цоканье, изменение старой фонемы <ё> в [и] во всех позициях), проникали на периферию рассматриваемой территории с севера и присутствовали на ней долгое время, но в основной массив говоров в достаточной мере не проникали.

Основные результаты работы отражены в следующих публикациях:

Научные статьи в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России.

1. О распространенности одной нестандартной реализации предлога «к» в севернорусских говорах XVII века // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 2020, № 1. С. 20–28. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,205.

2. Фонетические особенности костромских диалектов первой половины XVII в. и их дальнейшая судьба // Русский язык в научном освещении 2020, № 2. С. 112–127. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,429.

3. О сопоставительных парах губных фонем в костромских и пошехонских говорах XVII в. и их дальнейшей судьбе // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 2022, № 4, С. 29–38. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,205.

4. Вокализм первого предударного слога после мягких согласных в костромских говорах XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 2023, № 1. С. 71–78. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,205.

Публикации в других научных изданиях

1. О фонетической реализации фонемы <j> в позиции конца слова в костромских говорах XVII в. по данным памятников деловой письменности // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2015», [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2015.

2. О системе шипящих в костромских говорах XVII в. по данным памятников деловой письменности. // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2018», [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2018.

3. О сопоставительных парах губных фонем в костромских говорах XVII в. по данным памятников деловой письменности // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. / Отв. ред. Е.С. Узенева, О.В. Хаванова, М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 177–180.

4. О реализациях фонемы <ё> в костромских говорах XVII в. по данным памятников деловой письменности // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2019», [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2019.

5. О вокализме первого предударного слога после мягких согласных в костромских говорах XVII в. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2019 г. / Отв. ред. Е.С. Узенева, О.В. Хаванова, М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 193–197.

6. Об одной нестандартной реализации предлога «к» в костромских и пошехонских говорах XVII в. по данным памятников деловой письменности // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2020», [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2020.

7. Система шипящих в костромских и пошехонских говорах начала XVII в. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 13–14 октября 2020 г. / Отв. ред. Е.С. Узенева, О.В. Хаванова, М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 223–229.